

Ю.А. Никифоров

История как технология социального проектирования¹

В статье рассматривается проблема взаимозависимости профессиональной историографии и политики. Характер, форма существования истории в общественном сознании (как представлений, образов, мифов) является объективной предпосылкой для использования истории в целях социального проектирования (конструирования). Сопряжение достижений научной историографии с целями формирования общегражданской и национальной идентичности («политики памяти») не должно сегодня привести к релятивизму в отношении исторической науки.

Ключевые слова: социальная память, историческая политика, «политика памяти».

История присутствует в нашей жизни в двух качествах: с одной стороны, как *знание* о прошлом, представленное в работах профессиональных историков, и, с другой стороны, как образ этого прошлого в *социальной памяти*.

Несмотря на то, что методология исторического познания содержит некоторые слабые места, делающие возможным возникновение псевдонаучных теорий, в профессиональном историческом сообществе сформированы механизмы, которые позволяют значительно снизить опасность субъективистских подходов, порожденных влиянием современных обстоятельств и авторских идеологических пристрастий. Эти механизмы основаны на рефлексии и самоконтроле историков, представлении альтернативных точек зрения, учете достижений других историографических направлений. Важнейшим условием для этого является признание целью исторической науки и исторического образования дать обществу адекватное представление о собственном прошлом, а также понимание, что историки располагают для этого необходимым научным инструментарием.

Нормы современного научно-исторического исследования предполагают такое построение системы аргументов, которое открыто для верификации, т.е. для проверки достоверности базы источников, критического

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект НК 70 П.

анализа логических связей, выводов и ценностных установок, на которые опирается автор. Нравственной и профессиональной нормой в профессиональном сообществе историков признается стремление к объективности научного поиска, элементами которого являются дискуссии, плюрализм мнений.

Однако было бы наивным полагать, что историческое знание, доступное экспертному сообществу историков-профессионалов, может быть адекватно представлено в общественном сознании. В этом пространстве история существует как некая система образных представлений, мнений, символов и мифов.

Как и память отдельного человека, социальная память сохраняет далеко не все события и эпизоды прошлого. Едва ли вы встретите человека, который сумел бы рассказать вам день за днем свою жизнь хотя бы в течение одного последнего года. Так и народ сохраняет в своей памяти лишь наиболее яркие или трагичные эпизоды: битвы с внешними врагами, походы и завоевания, восстания и революции, крупные социальные преобразования. Череда таких наиболее значимых для народной памяти событий образует тот хребет, к которому крепятся менее значительные события и эпизоды.

Историческая наука лишь опосредованно влияет на социальную память, главным образом, через массовое историческое образование. Литературные произведения на исторические темы, музыкальные произведения, живопись, кинофильмы – вот главные факторы, решающим образом воздействующие на социальную память. Все мы читали об Отечественной войне 1812 г. в учебниках – но образ войны, закрепившийся в социальной памяти, в значительной степени навеян «Войной и миром» Льва Толстого. Кто бы вспоминал сейчас Бориса Годунова, если бы не драма Пушкина и не опера Мусоргского? Князь Игорь так и остался бы бледной тенью в ряду почти неразличимых родственников, если бы не «Слово о полку Игореве» и опера Бородина. В последние же десятилетия все большую роль в формировании социальной памяти играет телевидение. Не будет большим преувеличением сказать, что в настоящее время именно телевидение оказывает решающее влияние на социальную память миллионов людей.

Если учесть, под влиянием каких факторов формируется социальная память, то не покажется удивительным, что тот образ прошлого, который она хранит, далеко расходится с той реальностью, которую воссоздает история. Этот образ проще и беднее реальной истории, но одновременно ярче и полнокровнее. Социальная память способна придавать событиям и людям гораздо большее значение, чем они имели в реальной истории. В то же время она часто не замечает событий, существенных

с точки зрения историка. Но, пожалуй, самое главное заключается в том, что социальная память часто придает событиям и людям символическое значение: она видит в каком-то отдельном событии или в человеке воплощение духа и чаяний целой эпохи, наделяя их чертами, в той или иной степени присущими событиям и людям того времени.

Сам характер, форма существования истории в общественном сознании – как представлений, образов, мифов – является объективной предпосылкой для использования истории в целях социального проектирования (конструирования).

Через актуализацию тех или иных примеров из истории в обществе задается определенная система ценностных координат, происходит ретрансляция социальных норм, нравственных качеств, т.е., шире, – осуществляется воспроизводство культуры. Поскольку без соответствующего образа прошлого невозможно формирование клановой, национальной или общегражданской идентичности, социальное конструирование может подразумевать воздействие на процессы «сборки» и «разборки» народов, легитимации или, наоборот, – подрыва легитимности государственной власти и т.п.

В XX в. как историческая наука, так и популярная историческая литература стали испытывать все нарастающее влияние идеологии и политики. В настоящее время ни в одной стране мира политическая элита не может отказаться от воздействия на социальную память, транслируя через массовое историческое образование и другие каналы определенную систему оценок и представлений относительно исторического прошлого своей страны, тем самым оказывая влияние на ее настоящее и будущее. Поэтому «аргументы от истории» неизбежно включаются сегодня в арсенал текущей внутренней и внешней политики государств.

Для обозначения связи профессиональной историографии и коллективной памяти с политикой все чаще используются такие термины, как «политика памяти» и «историческая политика» [3]. Первый используется как правило, когда речь идет о различных общественных практиках, направленных на формирование и воспроизведение идентичностей, в первую очередь – национальных и этнических. Конкретными способами реализации «политики памяти» могут быть сооружения памятников и музеев, празднование значимых на общегосударственном или региональном уровне исторических событий, знаменательных дат, стимулирование исторических исследований по актуальным для общества вопросам, тематических публикаций исторических источников.

Под «исторической политикой», как правило, понимается сознательное использование истории как инструмента в политической борьбе (как

внутренней, так и внешней). «Историческая политика», таким образом, в первую очередь привязана к актуальному политическому моменту, более сиюминутна по сравнению с «политикой памяти».

В очерченном поле работают все акторы, конструирующие, влияющее на пространство социальной памяти в своих интересах – от политиков и журналистов до писателей и деятелей кино. Анализ создаваемых ими продуктов с точки зрения истинности (соответствия «правде истории») не имеет особого смысла, надо смотреть: зачем, почему из миллиона фактов избран именно этот? Какой смысл приписывается факту? Какова цель его актуализации?

Добросовестные историки и популяризаторы, как правило, не покушались и не покушаются на символы социальной памяти, стремясь лишь обогатить, дополнить, сделать ее точнее и полнокровнее. Социальная память русского народа опиралась на труды Карамзина и Соловьева, Ключевского и Платонова, Забелина и Устрялова, лучших советских историков. Художественная и популярная литература черпала свой материал из работ этих профессиональных ученых. В основе ответственного выбора, так или иначе, лежала парадигма сопричастности, подразумевающая нацеленность на формирование в обществе уважения к собственной стране и ее истории. Следование этой концепции исключало реконструкцию истории России как «истории болезни».

Совершенствование средств и способов воздействия на общественное сознание к настоящему времени привело, однако, к тому, что у обладателей соответствующего информационного или административного «ресурса» не мог не возникнуть соблазн воздействовать на социальную память без всякой опоры на историческую науку, игнорируя накопленный историками-профессионалами багаж знаний и представлений.

Это явление часто описывается с помощью все шире используемого термина *фальсификация истории*. «Фальсификация истории», «фальсификатор» – это не просто бранные слова, используемые в пылу полемики применительно к оппонентам. Говоря о фальсификации истории, специалисты имеют в виду сознательное и целенаправленное искажение исторической правды о прошлых событиях, совершаемое, прежде всего, в политических целях, или, шире, – как инструмент социального проектирования. Для фальсификаторов главными оказываются внеученные цели: внушение обществу каких-то идеологических или политических идей, пропаганда определенного отношения к прошлым событиям или вообще разрушение исторической памяти, а вовсе не поиск истины и объективности.

Одним из наиболее показательных примеров является борьба вокруг интерпретации одной из наиболее политизированных

и мифологизированных страниц отечественной истории, внимание к которой периодически усиливается в переломные моменты развития общества и государства, – массовым репрессиям 1930-х гг.

В псевдоисторической литературе сегодня наиболее распространены поверхностные версии и трактовки, так или иначе воспроизводящие два подхода: с одной стороны, причины репрессий связываются исключительно с «параноидальной» личностью И.В. Сталина, уничтожавшего своих преданных сторонников без всяких рациональных оснований. С другой стороны, утверждается, будто в СССР существовало вредительское подполье («пятая колонна»), целью которого было восстановление капитализма и поражение страны в войне с фашизмом. Представители и той, и другой точки зрения, в конечном счете, решают далекие от объективного изучения и реконструкции задачи: в первую очередь их интересует воздействие на общественное сознание с целью либо осуждения, либо оправдания сталинского режима и лично И.В. Сталина.

Нравственная оценка трагическим событиям этого периода нашей истории дана: преступления тех или иных представителей режима не подлежат оправданию. Однако манипуляция статистикой репрессий не должна сегодня превращаться в средство раскола российского социума. Ведущий специалист по данному вопросу В.Н. Земсков в связи с этим отмечает: «Убийство невинных людей нельзя оправдать – будь то один человек или миллионы. Но исследователь не может ограничиваться нравственной оценкой исторических событий и явлений. Его долг – воскрешение подлинного облика нашего прошлого. Тем более, когда те или иные его аспекты становятся объектом политических спекуляций» [2, с. 89].

Подлинная статистика политических репрессий в СССР до конца 1980-х гг. являлась государственной тайной. Впервые историки получили доступ к этим материалам только в 1989 г., когда Президиумом Академии наук СССР была создана специальная комиссия во главе с Ю.А. Поляковым. Результаты работы комиссии уже в начале 1990-х гг. были представлены общественности в виде ряда статей, однако приводимая учеными статистика была встречена с недоверием. В печати широко использовались другие цифры, заимствованные из эмигрантской публицистики и сочинений западных советологов периода «холодной войны». Так, например, публицисты А.В. Антонов-Овсеенко, Л. Разгон, писатель А.И. Солженицын и многие другие критики сталинского режима утверждали, что за 1921–1953 гг. было уничтожено 40, 60 или даже 110 млн человек.

Однако еще в 1954 г. в МВД СССР были обобщены статистические данные о числе осужденных за контрреволюционные преступления.

В представленных высшему руководству страны (Н.С. Хрущеву) документах говорилось, что в 1921–1953 гг. за контрреволюционные преступления (по 58-й статье) было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 человек. Еще 282 926 человек было осуждено по приравненным к ней статьям, в первую очередь по пп. 2 и 3 ст. 59 (особо опасный бандитизм) и ст. 193–24 (военный шпионаж)¹. Введение в научный оборот в 1990-х гг. многочисленных рассекреченных документов и их тщательное исследование в целом подтвердило точность данной статистики.

За последние двадцать лет российскими историками, различными государственными и общественными организациями, средствами массовой информации сделано очень много для освещения репрессивной политики советского периода и увековечивания памяти ее жертв. К настоящему времени опубликованы десятки сборников рассекреченных архивных документов и материалов, сотни научных статей и монографий, создано немало тематических интернет-ресурсов, так или иначе посвященных изучению и презентации широкой общественности истории репрессий, системы ГУЛАГа, инакомыслия в СССР и т.д. Соответствующие материалы, в том числе статистические данные, выдержки из документов и воспоминаний, широко представлены, помимо всего прочего, и в учебной литературе, в том числе для средней школы.

Несмотря на это, тема репрессий продолжает использоваться теми политическими и общественными силами, которые выражают заинтересованность в дальнейшей «модернизации сознания» российского социума. Игнорирование ставших известными в последние годы статистических материалов ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ, назойливое повторение заведомо преувеличенных цифр жертв репрессивной политики сталинского периода используется ими для демонизации советского режима и обоснования требований признать СССР «преступным государством», осуществившим геноцид собственного народа, военные преступления и преступления против человечности. (Содержание этих требований созвучно резолюции Парламентской Ассамблеи ОБСЕ 2009 г. «О воссоединении разделенной Европы», ставящей знак равенства между нацизмом и сталинизмом).

Представляется, что согласие с данной идеологической платформой хотя бы части российского общества (не говоря уже об официальном

¹ В период «архивной революции» 1990-х гг. подлинная статистика политических репрессий неоднократно приводилась в периодической печати.

признании ее со стороны властей) крайне негативно скажется не только на внешнеполитических позициях России, но и приведет к обострению противостояния разных общественных групп внутри страны. На международном уровне это будет означать согласие с концепциями «советской оккупации» и «советского геноцида», сформулированными политиками ряда восточноевропейских стран, и даст дополнительные козыри тем из них, кто делает ставку на русофобию и отторжение от России в рамках собственных проектов «нациестроительства». В итоге это выльется в очередное унижение России, глумление над памятью советских солдат, погибших за освобождение Европы от фашизма, оправдание коллаборационизма, создаст дополнительную «правовую» базу для ущемления гражданских прав русского населения в сопредельных России государствах и выдвижения материальных претензий к нашей стране.

Что касается внутривнутриполитических последствий, то признание «преступности», а значит – нелегитимности советского государства позволяет ставить вопрос о правосубъектности народа России, в силу своей культурной «неполноценности» сначала допустившего установление, а затем содействовавшего укреплению тоталитарного режима. Следующим логичным шагом явится оправдание любых антидемократических практик в отношении российского социума, в том числе, возможно, инициированных из-за рубежа. Не нужно и говорить, что такое развитие событий будет угрожать суверенитету нашей страны, поставит серьезные преграды на пути развития демократических институтов и гражданского общества.

События последних лет убеждают, что мифологизация истории остается одним из важнейших инструментов политической борьбы. При этом мифологизации может подвергаться и совсем недавнее прошлое: технологии конструирования соответствующих представлений и их внедрения в общественное сознание ничем принципиально не отличаются от тех, что используются при «обработке» более отдаленного исторического периода. В силу объективных причин рядовой гражданин России также далек от современной серьезной политико-экономической аналитики, как и от дискуссий ученых-историков. Поэтому для сил, заинтересованных в навязывании обществу той или иной тенденциозной и идеологизированной интерпретации, не имеет принципиального значения, с каким материалом «работать», – идет ли речь о событиях 1917 г., «сталинских» репрессиях или же событиях двух-, трех- или пятилетней давности. Показательным примером в данном случае может служить тема угрозы наступления диктатуры в России, постоянно обсуждаемая с момента

назначения В.В. Путина Председателем Правительства РФ в августе 1999 г. Громкие заявления ряда политиков и общественных деятелей по этому поводу тиражировались не только в российских СМИ, но и на страницах газет и журналов СНГ, Балтии, стран дальнего зарубежья.

Соответствующее истолкование новейшей истории России (1990–2010 гг.) предполагает противопоставление «эпохи Ельцина», «великого демократа и реформатора России» [1], периоду 2000-х гг., когда завоевания «демократической революции» начала 1990-х гг. якобы последовательно сворачивались и происходил возврат к авторитаризму. Внутриполитический курс президента В.В. Путина подвергался постоянной критике со стороны называющих себя либеральными деятелей культуры, бизнесменов и некоторых маргинальных политиков, призывавших к сплочению «демократических сил» с тем, чтобы «бросить вызов диктатуре Путина».

Данная точка зрения, к сожалению, проникла и на страницы учебной литературы. Наиболее политически ангажированным был учебник И. Долуцкого «История России. XX век» (М., 2002), на страницах которого учащимся предлагалось обсудить высказывания ряда «либеральных» деятелей: «В России произошел государственный переворот», следствием чего «явится режим личной власти Путина, авторитарная диктатура» (Буртин), «оформилось полицейское государство» (Явлинский). С методической точки зрения учебник был построен на манипуляции: способ «приглашения учащихся к диалогу» или высказыванию «своего» мнения служил для автора лишь прикрытием для своего вполне конкретного педагогического замысла. Учебник заканчивался пассажем о том, что страна оказалась в «тупиковой ситуации», когда власть не способна справиться с возникающими проблемами.

В основе этой, безусловно, тенденциозной интерпретации лежит ложное утверждение о демократическом характере режима Б. Ельцина, утвердившегося в России в результате распада Советского Союза. Как показали события 1991–1993 гг., наличие широкой общественной поддержки идеалов свободы и демократии совсем не означает, что реализация «демократического проекта» в России является простым и легким делом. Начатое в эти годы реформирование страны привело к созданию конституционного каркаса демократии и парламентаризма в России, однако реальное содержание политической, экономической и общественной деятельности в 1990-е гг. оказалось весьма далеко от демократических идеалов.

Характерной особенностью идеологии пришедших в обстановке кризиса институтов советского государства к власти либералов было

негативное отношение к российской государственности вообще, независимо от ее политической «окраски». Ослабление и разрушение государственных институтов воспринималось ими как важнейшая предпосылка для формирования нового общественно-экономического уклада и гарантирования невозможности реставрации в том или ином объеме социалистической системы хозяйства. Такая позиция в условиях экономического кризиса способствовала нарастанию тенденции деградации во всех сферах экономической и общественной жизни и формированию олигархического режима, который лишь по недоразумению можно было считать демократическим. Его характеризовали нелегитимный контроль частных лиц над органами государственной власти и СМИ, в первую очередь, телевидением, коррупция как принцип взаимодействий государства и бизнеса, правовой нигилизм. Слабое и недееспособное государство, «приватизированное», по сути, небольшим количеством приближенных к Президенту Ельцину лиц, оказывалось не в состоянии защитить права и свободы граждан, разрешать конфликты, обеспечивать сбор налогов и исполнение законов. Установившийся в России в 1990-х гг. режим не соответствовал ключевым характеристикам демократического правления, постоянно попирая принципы народного суверенитета, честной конкуренции, верховенства закона, а проводимая в тот период внутренняя и внешняя политика не отражала интересы основных групп и слоев общества. Те, кто и сегодня продолжает считать ельцинский режим демократическим, попросту подменяют понятия.

Очевидно, что олигархия и демократия – далеко не одно и то же. Если демократия есть «форма управления новым государством», то «без государства новая демократия невозможна» [5, с. 17]. Именно поэтому новый курс, предложенный в 2000 г. Президентом В.В. Путиным, получил поддержку граждан России, заинтересованных в наполнении созданных в начале 1990-х гг. формальных демократических институтов реальным, а не декларативным содержанием. Ключевым направлением внутренней политики стало воссоздание дееспособного российского государства как одного из условий устойчивой демократии и рыночной экономики. Проведенные в 2000-х гг. реформы отнюдь не означали отказ от сделанного в 1991 г. выбора, напротив, меры по укреплению государственной власти проводились параллельно с развитием инструментов гражданского контроля за властью. Достижение в этот период определенной степени идейной и политической консолидации российского общества стало возможным именно потому, что проводимый правительством курс был ориентирован на разделяемые большинством россиян ценности, в основе которых – сильная, единая, демократическая

Россия. Проведенные в 2000-х гг. реформы административного управления и избирательной системы, активизация борьбы с коррупцией означали национализацию государства, возвращение реальной власти легитимным государственным структурам, сформированным на основе демократических процедур.

Не менее важным является и другая задача – восстановление доверия избирателей к самой идее массового политического участия, дискредитированной в 1990-е гг. Тогда вместо системы политического представительства в стране сложилась система манипуляции голосами избирателей и результатами выборов. Переход к пропорциональной избирательной системе позволяет рассчитывать, что выборы в России постепенно будут эволюционировать от соревнования манипулятивных, по сути, избирательных технологий к борьбе идей и политических программ.

Важнейшей составляющей проводимого в 2000-х гг. внутривнутриполитического курса стали меры по реализации принципа конституционализма. Уже в самом начале своей деятельности в качестве главы государства В.В. Путин недвусмысленно обозначил осуществление «диктатуры закона» приоритетным направлением государственной политики. В рамках этой стратегии нормативная база регионов была приведена в соответствие с федеральными законами и Конституцией страны. Через введение института полномочных представителей Президента в федеральных округах и реформирование Совета Федерации удалось в значительной степени подавить растущий сепаратизм региональных элит.

Таким образом, укрепление государства в период президентства В.В. Путина означало усиление силы закона и конституционного строя, а не режима как такового. Неангажированными наблюдателями было сразу замечено: установленный Путиным порядок «не является антитезой демократии, а смысл его заключается в том, чтобы обеспечить уважение к закону и соблюдение Конституции» [4, с. 75].

Преодоление олигархического режима и развитие институтов демократии в современной России стало важным фактором экономического роста, повышения материального благосостояния и безопасности граждан России.

Между тем, конечно, было бы ошибкой идеализировать достижения Путина во главе российского государства. Достигнутая в 2000-х гг. относительная стабилизация экономической и социальной жизни вовсе не означает, что борьба за демократию в России завершена (в равной степени это относится ко многим другим странам, в том числе наиболее развитым). Следует иметь в виду, что подлинная демократия опирается на власть закона, а за соблюдением законов следит государство. Свобода

личности может быть реализована только при наличии сильного государства, охраняющего эту свободу от посягательств олигархов и коррупционеров.

Поэтому следует отличать конструктивную критику, содействующую укреплению в России демократических институтов, от тех политизированных мифов относительно путинского правления, за которыми просматривается неприятие любого стабильного общественно-политического устройства в России, любого сильного суверенного государства. Обвинения в адрес режима Путина нередко звучат из тех же уст, что и обвинения сталинского или царского авторитаризма, и подразумевают идею неполноценности российского общества, его органической неспособности к демократии и самоуправлению. Складывается впечатление, что громче всех об угрозе диктатуры в России кричат те, для кого идеальной ситуацией в стране является хаос и бессилие государственных институтов. Какое при этом в России государство – православная монархия, сталинская диктатура или «суверенная демократия» – для этих критиков имеет лишь второстепенное значение.

В заключение отметим следующее. Важнейшей предпосылкой для успешности воздействия на социальную память является дискредитация экспертного сообщества историков, якобы в принципе неспособных предложить обществу достоверную и адекватную картину прошлого, и постепенное распространение представления об истории как разновидности литературного творчества.

В высшей степени показательны, что в сочинениях «альтернативных» историков общим местом является негативное отношение к «официальной» науке, якобы препятствующей путем «догматических запретов» беспристрастному и объективному освещению прошлого. Эта идея неизменно присутствует в построениях «альтернативщиков», обещающих читателям раскрыть тайны истории, тщательно скрываемые официальной наукой, и обличающих ее мнимую неспособность предложить обществу сколько-нибудь правдивую версию национальной истории.

Претензии авторов псевдоисторических концепций к «официальной науке», поставленной якобы современным российским государством «на службу» патриотическому воспитанию, жалобы на невозможность свободного научного поиска в современных условиях являются составной частью любого такого «проекта». Логика понятна: без подрыва доверия к науке и ее представителям рассчитывать на успех внедрения в общественное сознание мифологизированных псевдонаучных представлений и навязать соответствующие идеологические предпочтения крайне трудно.

В свою очередь, отождествление истории с литературой снимает вопрос об истинности того или иного описания: каждый историк, публицист или писатель волен создавать свой образ прошлого, и нет смысла требовать от него какой-то объективности или правдивости. Однако следует осознать: принятие данной точки зрения означало бы выдачу своего рода индульгенции на постоянное переписывание истории, конструирование таких ее «прочтений», которые окажутся совершенно не связаны с исторической реальностью, а их содержание будет определяться исключительно задачами и потребностями текущего политического заказа.

Сопряжение достижений научной историографии с целями формирования общегражданской и национальной идентичности («политики памяти») не должно сегодня привести к релятивизму в отношении исторической науки. В решении этой проблемы видится важнейшая задача сообщества гуманитариев.

Библиографический список

1. Березовский Б.А. Письмо из Лондона. URL: http://www.ng.ru/politics/2001-12-04/1_mail.html (дата обращения: 3.05.2010).
2. Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Мир и политика. 2009. № 6.
3. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4.
4. Саква Р. Путин: выбор России / Пер. с англ.; Вступ. ст. А. Чубарьяна. М., 2006.
5. Linz J., Stepan A. Toward Consolidated Democracies // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. April.